

По моде нашего времени писать не трудно; благодаря бога, правая моя рука здорова, буквы чертить по бумаге научился еще с робячества. Я говорю чертить для того, что российской грамоте учился я у дьячка, которой и сам не знал никаких правил, а о грамматике и не слыхивал, следовательно, учился я искусству попугая и обезьяны, по это, разумеется, только о русском языке, которому почти и все обучаются без правил; итак, были бы только чернила, перо, бумага, так и совсем автор. О времена! блаженные времена, в которые, не учась грамоте, становимся попами! Некоторые ненавистники писем нового вкуса утверждают, что ко всякому сочинению потребен разум, учение, критика, рассуждение, знание русского языка и правил грамматических. — Устыдитесь, государи мои строгие судьи, устыдитесь своего мнения, оставьте ваше заблуждение, посмотрите только на молодых наших писателей, вы увидите, что они никогда вашим не следуют правилам. Вы то проповедуете, чего не было, или что вышло уже из моды; кто же будет вам следовать? — Право, никто. По малой вере, мы, молодые люди, никогда не огляготим памяти своей ненужным знанием, да это и похвально; для чего без нужды

трудиться? На что разум, когда и без одного писать можно? Что в рассуждении и критике? — все ли захватить автору, надобно и читателям что-нибудь оставить. Пропади знание русского языка, ежели и без него можно жить в большом свете, а этот большой свет составляют почтенные и любезные наши щеголи и щеголихи. Исчезните, правила грамматические, вы только пустое делаете затруднение. А учение. — О! эта ненужная тягость совсем брошена. — Но что я слышу! строгие, ученые и благоразумные люди негодуют, вооружаются против меня, хотят делать опровержение моим правилам: я пропал! — Но постойте, государи мои, есть у меня защитники, они за меня ответствовать вам будут. — Благородные невежды, ветреные щеголи, модные вертопрашки, на вас полагаю я надежду, вы держитесь моих правил, защищайте их, острые ваши языки к тому способны. И вы, добрые старички, вы думаете о науках согласно со мною, но по другим только причинам. Вы рассуждаете так: «деды наши и прадеды ничему не учились, да жили счастливо, богато и покойно, науки да книги переводят только деньги, какая от них прибыль, одно разоренье!». Детям своим вы говорите: «рости только велик, да будь счастлив, а ум будет». — Прекрасное нравоучение, неоспоримые доводы, новая истина открывается свету!

1772. *«Живописец»*. Лист 3, ⁴ стр. 288—289.

Госпожа Всякая всячина на нас прогневалась и наши нравоучительные рассуждения называет ругательствами. Но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думал. Вся ее вина состоит в том, что на русском языке изъясняться не умеет и русских писаний обстоятельно разуместь не может, а сия вина многим нашим писателям свойственна.

1769. *«Трутенъ»*, ⁵ стр. 68.